

Научное сообщество историков России: 20 лет перемен»
под ред. Геннадия Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2011(С.281-230)

Н.И. Дедков

«Историческое сообщество и творцы сенсаций: вызов новейшего
времени»

В свое время об идеологическом контроле со стороны КПСС и советского государства, десятилетиями определявшем развитие исторической науки в Советском Союзе, сказано и написано было предостаточно. Те беды науки, которым он явился причиной, очевидны, хорошо известны и в комментариях не нуждаются. Однако, как и у любого исторического явления, была у такого контроля и другая сторона, о которой до поры до времени задумывались немногие.

Действительно, власть строго контролировала работу историков, навязывала им идеологию, направления и методы исследований, следила за тематикой, ограничивала доступ к источникам и т. д., но она же и опекала их, создавая, в некоторых отношениях, тепличные условия. Осознать этот факт российские, бывшие советские историки смогли только тогда, когда оказались «во власти рынка». И дело тут не только в денежных проблемах, которые превратили жизнь в выживание, заставили тратить драгоценное время на вечный поиск грантов и издавать книги за свой счет. Рынок поставил историческую науку России перед необходимостью отвечать на гораздо более серьезный вызов: он выбросил на прилавки книжных магазинов тонны псевдоисторической литературы, которая ранее беспощадно и бесцеремонно отсеивалась советской властью. Даже у цензуры были свои плюсы.

Вероятно, самым заметным и массовым образцом псевдонаучной исторической литературы стали многочисленные произведения А. Т. Фоменко и Г. В. Носовского, ниспровергающие общепринятую хронологию мировой истории и предлагающие новое ее прочтение. Как написал по этому поводу В. В. Дегоев, «явлено нечто дерзновенное, величественное, даже гениальное. Голова идет кругом от этого

захватывающего дух разоблачения отечественной и мировой истории. Упразднены цивилизации, формации, культуры, эпохальные события, герои. Упразднена сама субстанция времени. Обнаружен исторический антимир, состоящий совсем не из того, о чем мы думали, и не из тех, кого мы считали реальными людьми. Своим интеллектуальным уровнем и мировоззренческими последствиями подобное открытие могло бы соперничать с теорией относительности. Но лишь при одном условии — если безоговорочно принимать его на веру»¹.

К величайшему сожалению, работы, о которых идет речь, а имя им легион, как раз и были приняты «на веру» по меньшей мере тысячами людей. А способствовал этому целый ряд обстоятельств объективного свойства.

На обломках империи

Российский читатель за 70 лет советской власти был приучен доверять книге. «Самая читающая страна в мире» видела в книге главный источник знаний; рядовому читателю, не имеющему отношения к издательскому делу, и в голову не приходила чудовищная мысль, что в виде книги, претендующей на научность, может быть выпущена работа, мягко говоря, недостоверная. Сам факт выхода в свет воспринимался неискушенным в законах рынка читателем как некая санкция, как свидетельство качества и достоверности написанного. К отсутствию цензуры, которая необходимым условием принятия научной книги к печати считала наличие отзывов солидных ученых или научных институтов, тоже надо было привыкнуть.

На отсутствие такой привычки самым несчастливым образом наложились еще одна характерная особенность развития исторической науки на рубеже 1980-х — 1990-х годов. Это было, как известно, время ликвидации «белых пятен» в советской истории. В условиях существенного смягчения идеологического контроля одна за другой стали появляться работы (преимущественно газетные и журнальные статьи), которые обращались к

---

¹ Дегоев В. В. «Антифоменко»: опыт отрезвления от коллективного гипноза. Отклик на выход тематического тома Сборников Русского исторического общества с критикой «новой хронологии» // <http://www.pereplet.ru/gorm/fomenko/degoev.htm>.

персонам и темам, бывшим до того под гласным и негласным запретом. В первую очередь речь шла о жертвах репрессий 1930-х и деятелях «белого движения», русской эмиграции. Массы людей постепенно стали осознавать, что история во многих отношениях была далеко не такой, какой она представляла на страницах школьных и вузовских учебников; возникло ощущение, что она полна тайн, что открытие советских архивов повлечет за собой череду сенсационных открытий. С тех пор много воды утекло, архивы успели открыться и отчасти снова закрыться, однако никаких действительно сенсационных открытий, способных в корне переменить научные представления об истории, сделано не было. А вот недоверие к официальной науке — в полном соответствии с принципом «единожды солгавши, кто тебе поверит?» — осталось. И осталось ощущение обмана: нам чего-то не договорили, от нас укрыли правду, история сочиняется теми, кто находится у власти. Вместе с тем возник и социальный запрос на «новую истину». Почва была подготовлена и удобрена: общество не просто было готово принять новую версию истории — оно ее ожидало.

А дальше получилось совсем уж нехорошо: новая версия истории была предложена титулованным ученым, лауреатом научных премий, доктором наук (который в 1994 году стал действительным членом РАН), профессором МГУ имени М. В. Ломоносова Анатолием Тимофеевичем Фоменко. Небольшим осложнением было, конечно, то, что все его ученые регалии относились и относятся к области математики, однако, во-первых, кто и когда обращал внимание на такие мелочи, а во-вторых, в СССР ученых-естественников давно ценили много выше гуманитариев, так что анонсированная опора на математические методы исследования многими рассматривалась как дополнительное преимущество автора.

Естественно, на ниве исторических сенсаций в России подвизались и подвизаются сегодня не только А. Т. Фоменко и его многолетний соавтор Г. В. Носовский. В этом ряду можно назвать такие замечательные произведения, как книги А. Бушкова «Россия, которой не было: загадки, версии, гипотезы» (М., 1998) и «Планета призраков: как создавалась фальшивая реальность» (М., 2009), Л. И. Бочарова, Н. Н. Ефимова, И. М. Чачуха, И. Ю. Чернышова «Заговор против русской истории (Факты, загадки,

версии)» (М., 1998), Э. Р. Мулдашева «От кого мы произошли?» (М., 1999) и «В поисках Города Богов» (в 3-х тт., М., 2001), Н. И. Ходаковского «Спираль времени, или будущее, которое уже было» (М., 2000), В. А. Чудинова «Вернем этрусков Руси. Расшифровка надписей древней цивилизации» (М., 2006), А. М. Жабинского, С. И. Валянского, Д. В. Калюжного «Многомерное прошлое» (в 3-х тт., М., 2003), М. Аджи «Азиатская Европа» (М., 2006) и «Дыхание Армагеддона» (М., 2008), Н. В. Левашов «Россия в кривых зеркалах» (т. 1, М., 2009) и это список, даже отдаленно не претендующий на полноту, а призванный всего лишь приблизительно охарактеризовать богатство номенклатуры имеющихся на книжном рынке предложений. Кстати будет упомянуть и то обстоятельство, что большинство указанных авторов отличается отменной плодовитостью.

Что же касается А. Т. Фоменко, то он выделяется в этой славной когорте своим научным авторитетом. Подчеркнем это еще раз: тот факт, что работы, посвященные пересмотру традиционных представлений об истории, написаны ученым, и ученым весьма авторитетным в своей области, послужил дополнительным фактором, облегчившим восприятие новых теорий весьма значительной частью общества, и проторил дорогу последователям. Логика в данном случае была элементарна: если с привычными представлениями об истории успешно расправляются одни, то почему это не могут столь же успешно делать и другие?

Предыстория

Чтобы правильно понять реакцию российского исторического сообщества на вызов творцов сенсаций, необходимо хотя бы кратко вспомнить историю этой проблемы. «Феномен Фоменко» возник задолго до 1991 года, и ответ на него, как и любое растянутое во времени событие, необходимо рассматривать в развитии. (Справедливости ради необходимо подчеркнуть, что свою теорию А. Т. Фоменко начал разрабатывать задолго до обрушения Советского Союза, и, таким образом, подозревать, что его книги были изначально ориентированы на извлечение материальной выгоды

из сенсации, не приходится.)

А началась эта история еще на рубеже 1920-х — 1930-х годов, когда Н. А. Морозов, бывший член Исполнительного комитета «Народной воли», приговоренный в свое время к пожизненному заключению, проведенный более 20 лет (1882—1905) в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях, а в советское время возглавивший Естественнонаучный институт имени П. Ф. Лестгафта, опубликовал многотомное исследование «Христос» (первоначальное название «История человечества в естественнонаучном освещении»). Стержнем этой работы была критика традиционной хронологии истории, которая представлялась автору искусственно растянутой по сравнению с реальной. Седьмой том морозовского труда увидел в свет в 1932 году, эпоха относительной свободы в Советской России быстро приближалась к своему печальному концу, работа с вызывающим названием «Христос» была явно не ко времени и ее вполне закономерно отправили на самые дальние библиотечные полки, где она и пребывала до хрущевской «оттепели».

В 1960-х годах труд Н. А. Морозова неожиданно привлек внимание сотрудника Математического института имени В. А. Стеклова АН СССР Михаила Михайловича Постникова, с 1965 года бывшего также профессором кафедры высшей геометрии и топологии мехмата МГУ. Видный математик, лауреат Ленинской премии (1967) Постников увлекся теорией Морозова — в советской науке интерес естественников и математиков к гуманитарным вопросам всегда был «хорошим тоном» — и даже прочитал для сотрудников и аспирантов мехмата специальный 5-часовой курс, где разбирал его идеи. Среди слушателей Постникова оказались будущие творцы «новой хронологии» А. С. Мищенко и А. Т. Фоменко, которые с энтузиазмом неопитов разработали новые статистические методы датирования, развили ряд положений труда Н. А. Морозова и предприняли попытку создать ее систематическое изложение с собственными добавлениями. В результате родилось трехтомное сочинение А. Т. Фоменко, А. С. Мищенко и Е. М. Никишина «Введение в критику древней хронологии», увидевшее свет в издательстве МГУ в 1974—1978 годах. А в начале 1980-х А. Т. Фоменко выпустил совместную брошюру с М. М. Постниковым и разместил целый

ряд соответствующих статей в солидных научных изданиях².

Шуму в научной и даже шире — в интеллигентской — среде эти выступления, конечно, наделали достаточно много, но до «масс» он, по большому счету, не дошел. Времена были не те, цензура, как уже говорилось, свое дело знала, и массовыми тиражами сенсационные исторические работы математиков никто издавать не собирался. Что же касается реакции исторического сообщества, то она была вполне адекватной своему времени — то есть, по преимуществу, организационной, но основанной на строго научной, фундированной критике.

В июне 1981 года было организовано специальное заседание Отделения истории АН СССР, в котором приняли участие авторы «сенсационного открытия» М. М. Постников, А. Т. Фоменко, А. С. Мищенко и Е. М. Никишин, сотрудники академических институтов всеобщей истории, истории СССР, востоковедения, археологии и этнографии, а также Государственного астрономического института имени П. К. Штернберга. Приглашение профессиональных астрономов особенно примечательно: одним из краеугольных камней в здании критики традиционной хронологии была апелляция к данным астрономии, и здесь представители естественных наук имели определенное преимущество перед историками-гуманитариями. Присутствие астрономов, во-первых, это преимущество ликвидировало, а, во-вторых, подчеркивало объективность организаторов заседания — они не отмахивались от вмешательства математиков, а признавали возможность участия специалистов-естественников в обсуждении вопросов, относящихся

---

² См. Постников М. М., Фоменко А. Т. Новые методики статистического анализа нарративно-цифрового материала древней истории. М., 1980; Фоменко А. Т. Некоторые статистические закономерности распределения плотности информации в текстах со шкалой // Семиотика и информация. — М., 1980. — Вып. 15. — С. 99—124; Фоменко А. Т. Методика распознавания дубликатов и некоторые приложения // Доклады АН СССР. — 1981. — Т. 258. — № 6. — С. 1326—1330; Fomenko A. T. The jump of the second derivative of the Moon's elongation // Celestial Mechanics and Dynamical Astronomy. — 1981. — V. 25. — N. 1. — P. 33—40; Фоменко А. Т. Новая эмпирико-статистическая методика упорядочивания текстов и приложения к вопросам датировки // Доклады АН СССР. — 1983. — Т. 268. — № 6. — С. 1322—1327; Фоменко А. Т. Авторский инвариант русских литературных текстов // Методы количественного анализа текстов нарративных источников. — М., 1983. — С. 86—109; Фоменко А. Т. Информативные функции и связанные с ними статистические закономерности // Статистика. Вероятность. Экономика. — М., 1985. — Т. 49. — С. 335—342.

к сфере гуманитарного знания.

То историческое уже заседание абсолютно точно определило все уязвимые места учения, известного сегодня под именем «новой хронологии»: вопросы датировки изучались в отрыве от контекста исторического процесса, игнорировались данные специальных исторических дисциплин и, прежде всего, археологии, «исторические» работы математиков страдали большим количеством неточностей, натяжек, искажений фактов, астрономическая база, такая убедительная для профанов, не выдерживала критики со стороны профессионалов, лингвистические изыскания выглядели совершенно беспомощно и т. д. и т. п. Короче говоря, по единодушному мнению участников заседания, на исторических работах математиков можно было ставить крест.

Критика — критикой, но и без попытки «закрыть» новое направление чисто административными методами не обошлось. Это было вполне в духе времени. По утверждению Сергея Петровича Новикова, видного математика, академика АН СССР, лауреата Ленинской премии (1967), одного из учителей А. Т. Фоменко, три академика-историка — Б. А. Рыбаков, Ю. В. Бромлей и некто третий, чье имя в его памяти Новикова не сохранилось, — написали в ЦК КПСС письмо с призывом положить конец публикациям Постникова и его товарищей и даже запретить им преподавание. Как вспоминает Новиков, Фоменко пришлось ходить объясняться в ЦК³, после чего он поместил в журнале «Техника и наука» опровержение (!) на опубликованную там ранее статью Постникова⁴. Эта история находит подтверждение в переписке Ю. М. Лотмана и Б. М. Успенского:

«И вот неделю назад (когда том — 15-ый — “Семиотики” с их статьей уже отпечатан!) — писал Лотман 28 августа 1982 года, — получаю от Фоменко истерическое письмо о том, чтобы их статью снять⁵, т<ак> к<ак> в

³ Новиков С. П. Математики — геростраты истории? (Не погибнет ли российская математика?) // <http://hbar.phys.msu.ru/gorm/fomenko/novikov1.htm>.

⁴ См.: Постников М. Величайшая мистификация в истории? // Техника и наука. — 1982. — № 7; Фоменко А. Т. К вопросу о фальсификациях // Техника и наука. — 1982. — № 11.

⁵ Речь идет о статье: Постников М. М., Фоменко А. Т. Новые методики статистического анализа нарративно-цифрового материала древней истории // Ученые записки Тартуского ун-та. Труды по знаковым системам. XV. Типология культуры, взаимное воздействие

ЦК очень недовольны их публикацией и он полностью пересмотрел свои взгляды на исторический процесс. Ничего снять уже нельзя.

Посмотрим. Их статья идет с моими возражениями, но сия история и тон мне не нравится. Более всего неприятно, что “Вестник древней истории” поймал Фоменко на прямых передержках, кот<орые> я не заметил. Такие дела...»⁶

Можно было ожидать, что советский период развития «новой хронологии» на этом завершится: конечно, в 1980-е за инакомыслие ученых не расстреливали и в лагеря не направляли, но предотвращать появление нежелательных публикаций умели неплохо и запреты в этой области проводили последовательно. Вероятно, именно хорошее знание советских реалий сыграло злую шутку с С. П. Новиковым, который, вспоминая всю эту историю спустя годы, полагал, что после «проработки» и публикации покаянной статьи А. Т. Фоменко на период 1984—1990 годов отошел от участия в пересмотре истории⁷. Данное утверждение абсолютно не соответствует действительности: чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с перечнем статей Фоменко по исторической проблематике, увидевших свет в «перестроечный» период⁸. Ни прекращения «творческого

культур. — Тарту, 1982. — Вып. 576.

⁶ Лотман Ю.М. Письма. — М., 1997. — С. 644.

⁷ Новиков С.П. Математики — геростраты истории? (Не погибнет ли российская математика?) // <http://hbar.phys.msu.ru/gorm/fomenko/novikov1.htm>.

⁸ См.: Фоменко А. Т. Информативные функции и связанные с ними статистические закономерности // Статистика. Вероятность. Экономика. — М., 1985. — Т. 49. — С. 335—342; Fedorov V. V., Fomenko A. T. Statistical Estimation of Chronological Nearness of Historical Texts // *Journal of Soviet Mathematics*. — 1986. — V. 32. — N. 6. — P. 668—675; Фоменко А. Т., Морозова Л. Е. Некоторые вопросы статистической обработки источников с погодным изложением // Математика в изучении средневековых повествовательных источников. — М., 1986. — С. 107—129; Морозова Л. Е., Фоменко А. Т. Количественные методы в «макротекстологии» (на примере памятников «смуты» конца XVI — начала XVII в.) // Комплексные методы в изучении исторических процессов. — М., 1987. — С. 163—181; Fomenko A.T. Empirico-statistical methods in ordering narrative texts // *International Statistical Review*. — 1988. — V. 56. — N. 3. — P. 279—301; Калашников В. В., Носовский Г. В., Фоменко А. Т. Датировка Альмагеста по переменным звёздным конфигурациям // Доклады АН СССР. — 1989. — Т. 307. — № 4. — С. 829—832; Носовский Г. В., Фоменко А. Т. Статистические дубликаты в упорядоченных списках с разбиением // Вопросы кибернетики. Семиотические исследования. — М., 1989. — С. 138—148; Рачев С. Т., Фоменко А. Т. Функции объемов исторических текстов и принцип амплитудной корреляции // Методы изучения источников по истории русской

процесса», ни запрета на публикации и близко не было.

Более того, согласно рассказам Ю. А. Завенягина (научного сотрудника Института атомной энергии имени И. В. Курчатова, одного из авторов критических статей о «новой хронологии»), переданным его другом В. А. Храбровым и его сестрой Е. А. Завенягиной, в 1984 году А. Т. Фоменко сам написал в ЦК жалобу, в которой требовал прекратить критику. Летом того же года беспартийный Завенягин был вызван к заведующему отделу науки ЦК КПСС Д. В. Кузнецову. В кабинете Кузнецова уже находился сам Фоменко, и Кузнецов предложил оппонентам провести личную дискуссию⁹.

Замечательный произошел перелом: от покаянных писем Фоменко перешел в наступление, но не против ЦК, а против научных оппонентов, используя ЦК в качестве инструмента давления. Как ему это удалось, история умалчивает, и можно только догадываться, что математик смог найти понимание где-то на самом «верху». Возможно, ключ к происходящему следует искать в смене властных группировок: незадолго до примечательного демарша Фоменко СССР обрел нового генерального секретаря ЦК КПСС; в феврале 1984-го скончался Ю. В. Андропов и его место занял К. У. Черненко. ЦК не был единым мыслящим организмом — там шла непростая закулисная борьба, участие в которой принимали люди самые разные (в том числе и с точки зрения своего образовательного уровня), так что в принципе ничего удивительного в обращении кого-то из них в веру Фоменко не было. Тем более что в распоряжении ученого были отнюдь не только математические аргументы. Согласно рассказу того же Ю. А. Завенягина в ходе беседы в кабинете Кузнецова, Фоменко заявлял: «Я советский, я русский! Я хочу, чтобы наша страна была бы такой же древней, как Древний Рим!»¹⁰

общественной мысли периода феодализма. — М., 1989. — С. 161—180; Fomenko A. T., Kalashnikov V. V., Nosovsky G. V. When was Ptolemy's star catalogue in Almagest compiled in reality? Statistical analysis // Acta Applicandae Mathematicae. — 1989. — V. 17. — P. 203—229; Fomenko A.T. Mathematical Statistics and Problems of Ancient Chronology/ A new Approach // Acta Applicandae Mathematicae. — 1989. — V. 17. — P. 231—256.

⁹ Хронология событий // <http://hbar.phys.msu.ru/gorm/fomenko/zavcom.htm>.

¹⁰ Цит. по: С. Шмидт. «Феномен Фоменко» в контексте изучения современного общественного исторического сознания // Исторические записки. — 2003. — № 6 (124). — С. 342—387.

Судя по дальнейшему развитию событий, надежды математика на административную поддержку до конца не оправдались: давать его работам «зеленую улицу» явно не собирались. Да и вряд ли можно было ожидать, что ЦК ввяжется в дело пересмотра хронологии в глобальном масштабе ради возрождения сомнительного лозунга «Россия — родина слонов». Такой крутой поворот не только стал бы еще одним поводом для критики Советского Союза, но и вполне мог сказаться на репутации советской компартии в глазах зарубежных сторонников. А после прихода к руководству страной М. С. Горбачеву подобный кульбит и вовсе стал невозможен: начиналась эпоха отказа партии от жесткого контроля над процессом развития исторической науки.

Ситуация стабилизировалась, страсти улеглись. Публикации А. Т. Фоменко (успевшего рассориться с М. М. Постниковым) не были запрещены, но и не поддерживались «сверху». Критики традиционной хронологии продолжали выступать с докладами и лекциями, излагая свои теории перед специалистами различных областей знания, но не пытаясь при этом учесть наиболее принципиальные из звучавших в их адрес критических замечаний. В принципе такое поведение уже выходило за рамки нормальной научной дискуссии: расчет явно делался не на убедительность аргументов, а на впечатление, производимое на неподготовленную аудиторию. Наверно, излишне будет подчеркивать, что перед историками-специалистами создатели «новой хронологии» не выступали.

Вдали от шума городского...

Что же касается историков, то для них период 1984—1995 годов в отношении критики «новой хронологии» оказался периодом практически полного бездействия. Выпустив в начале 1980-х серию статей, разбиравших произведения М. М. Постникова и А. Т. Фоменко¹¹, они замолчали. С одной

---

¹¹ Голубцова Е. С., Смирин В. М. О попытке применения «Новых методик статистического анализа» к материалу древней истории // Вестник древней истории. — 1982. — № 1; Голубцова Е. С., Кошеленко Г. А. История древнего мира и «новые

стороны, возможно, сыграла какую-то роль апелляция Фоменко к ЦК, но с другой — после заседания Отделения истории АН «исторические» творения математиков как реальная, актуальная опасность не воспринимались. Более того, вполне вероятно, что до поры до времени большинство ученых было склонно рассматривать их как безобидную в сущности игру ума, позволяющую вспомнить о незаслуженно забытом Н. А. Морозове. Такую позицию занимал, например, Ю. М. Лотмана, который 28 марта 1980 года писал Б. М. Успенскому: «Статьи Постникова — бред! Но печатать будем...»¹² Понять подобную логику редактора авторитетного научного издания можно только в общем контексте эпохи: в задоре борьбы за право на свободное выражение своего мнения даже такие умнейшие люди, как Лотман, утрачивали чувство ответственности за состояние исторического просвещения. Точнее говоря, они оставляли эту ответственность той самой компартии, с произволом и диктатом которой боролись. Не наше дело обсуждать сейчас, как и почему так получилось, но факт остается фактом: в условиях скрытого противостояния с партией и государством любая попытка расширить пространство свободы значительной частью интеллигенции воспринималась позитивно, и в этом отношении Фоменко оказывался союзником Лотмана. Печальный парадокс с печальными последствиями. Будучи единодушными в оценке научности «новой хронологии» профессиональные историки после 1984 года откровенно упустили ее развитие из виду.

А тем временем от статей А. Т. Фоменко перешел к более масштабному жанру и в 1990 году выпустил в издательстве МГУ книгу с сугубо научным названием «Методы статистического анализа нарративных текстов и приложения к хронологии (Распознавание и датировка зависимых текстов, статистическая древняя хронология, статистика древних астрономических сообщений)». Никакой сенсации она опять-таки не

методики» // Вопросы истории. — 1982. — № 8; Голубцова Е. С., Завенягин Ю. А. Еще раз о «новых методиках» и хронологии Древнего мира // Вопросы истории. — 1983. — № 12; Вассоевич А. Л. По поводу статьи М. М. Постникова и «культурно-исторических» публикаций его последователей // Вопросы истории естествознания и техники. — 1984. — № 2.

¹² Лотман Ю.М. Письма. — М., 1997. — С. 600.

произвела, и, надо заметить, позиция автора этому способствовала. Он подчеркивал, что «не разделяет гипотезы Н. А. Морозова, согласно которой большинство произведения античности являются подлогами», и утверждал: «как показали результаты проведенных статистических исследований, практически все дошедшие до нас древние документы являются подлинниками, написанными отнюдь не в целях введения в заблуждение будущих хронологов, а в целях фиксации реальных событий». «Наша новая версия хронологии приводит к *передатировке* древних событий и документов, *но отнюдь не к отрицанию их подлинности* как правдивых свидетелей прошлых событий»¹³. Вполне понятно, что широкую публику споры о датах, да еще на основании малопонятных статистических методов, да еще в 1990 году, когда решалась судьба страны, заинтересовать не могли.

Распад СССР и крах советской системы в этом смысле ничего особо не изменил. Следующая книга Фоменко, также выпущенная издательством МГУ, правда, под несколько более многообещающим названием «Глобальная хронология. Исследование по истории древнего мира и средних веков», снова осталась незамеченной.

Успех

Все, как по мановению волшебной палочки, изменилось в 1995-м. В этом году вышла первая книга, написанная Фоменко в соавторстве с Г. В. Носовским, «Новая хронология Руси, Англии и Рима», и ее сразу же ждал успех. Носовский, в отличие от своего старшего партнера, явно обладает коммерческим чутьем, которое до сей поры его не подводило (в скобках позволим себе спросить: не способствовал ли коммерческому успеху внезапный переход от декларированного доверия к древним источникам к рассуждениям о фальшивках, подлогах, сознательных уничтожениях документов и подлинников и т. п. элементах любимого публикой *заговора*, которыми с того времени насыщены работы творцов «новой хронологии»?).

¹³ Фоменко А. Т. Методы статистического анализа нарративных текстов и приложения к хронологии (Распознавание и датировка зависимых текстов, статистическая древняя хронология, статистика древних астрономических сообщений). — М., 1990. — С. 418.

Новые совместные книги Фоменко и Носовского появляются с завидной регулярностью; по самым скромным подсчетам, в течение последних 15 лет (1995—2010) из-под пера этих соавторов вышло более 50(!) фундаментальных «научных трудов» по «новой хронологии»¹⁴ (не считая

¹⁴ Ни в коей мере не претендуя на создание библиографии по «новой хронологии», перечислим лишь малую часть опубликованных трудов, чтобы дать читателю возможность самостоятельно оценить как масштаб охватываемых проблем, так и завидную неустанность творчества авторов: Носовский Г. В., Фоменко А. Т. Новая хронология и концепция древней истории Руси, Англии и Рима. (Факты. Статистика. Гипотезы). В 2-х тт. — М., 1995; они же. Империя. (Русь, Турция, Китай, Европа, Египет. Новая математическая хронология древности). — М., 1996; они же. Русь и Рим. Правильно ли мы понимаем историю Европы и Азии. В 5 тт. — М., 1997; они же. Русь-Орда на страницах библейских книг. — М., 1998; они же. Реконструкция всеобщей истории. Исследования 1999—2000 годов. (Новая хронология). — М., 2000; они же. Новая Хронология Египта. Астрономическое датирование памятников Древнего Египта. Исследования 2000—2002 годов. — М., 2002; они же. Реконструкция всеобщей истории. Жанна Д'Арк, Самсон и русская история. — М., 2002; они же. Библейская Русь. В 4-х тт. — М., 2004; они же. Новая хронология Руси. (Русь. Англия. Византия. Рим). В 3-х тт. — М., 2004; они же. Империя. (Великое завоевание. Русь-Орда. Османия=Атамания. Европа. Китай. Япония. Этруски. Египет. Скандинавия). В 2-х тт. — М., 2004; они же. Старые карты Великой Русской Империи. (Птолемей и Ортелиус в свете новой хронологии). — СПб., 2004; они же. Царь Славян. — СПб., 2004; они же. Новая хронология Индии. Исследования 2002—2003 годов. — М., 2004; они же. Стамбул в свете новой хронологии. — М., 2004; они же. Реконструкция. (Реконструкция всеобщей истории. Ханы Новгородцы — Габсбурги. Наследие Великой Империи в истории и культуре Евразии и Америки. В 3-х тт. — М., 2005; они же. Начало Ордынской Руси. (После Христа. Троянская война. Основание Рима). — М., 2005; они же. Древние Зодиак Египта и Европы. (Датировки 2003—2004 годов). — М., 2005; они же. Крещение Руси. (Язычество и христианство. Крещение Империи. Константин Великий — Дмитрий Донской. Куликовская битва в Библии. Сергей Радонежский — изобретатель огнестрельного оружия. Датировка ковра из Байе). — М., 2006; они же. Забытый Иерусалим: (Стамбул в свете новой хронологии): с приложением Описания двора султанов из «Скифской истории» А. И. Лызлова. — М., 2007; они же. Казаки-арии: из Руси в Индию: Куликовская битва в Махабхарате. «Корабль Дураков» и мятеж реформации. Велесова книга. Новые датировки зодиаков. Ирландские сказания. — М., 2007; они же. Потерянные Евангелия: новые сведения об Андронике-Христе. — М., 2008; они же. Геракл. «Древний»-греческий миф XVI века: мифы о Геракле являются легендами об Андронике-Христе, записанными в XVI веке. — М., 2009; они же. Завоевание Америки Ермаком-Кортесом и мятеж Реформации глазами «древних» греков: новые сведения о Куликовской битве, об Иване Грозном и истории Эсфири, о знаменитом походе атамана-конкистадора Ермака-Кортеса и Великой Смуте в Империи XVI—XVII веков. — М., 2009; они же. Пегая орда. История «древнего» Китая. — М., 2009; они же. Египетские, русские и итальянские зодиак: открытия 2005—2008 годов. — М., 2010; они же. Калиф. — М., 2010; они же. Пророк завоеватель. Уникальное жизнеописание Магомета. Скрижали Моисея. Ярославский метеорит 1421 года. Появление булата. Фазтон. — М., 2010; они же. Шахнаме: иранская летопись Великой империи XII-XVII веков. — М., 2010.

многочисленных переизданий, переводов на иностранные языки и книг, написанных А. Т. Фоменко без соавторов) — в общей сложности более 65 томов, большинство из которых насчитывает от 300 до 600 страниц. Знаменитая 29-томная «История России» С. М. Соловьева, отнявшая 30 лет упорного труда, на этом фоне кажется сущей безделицей. А если принять во внимание тот факт, что пересмотр мировой истории осуществлялся авторами в свободное от основной, математической, работы время, то их «научный подвиг» окажется еще более впечатляющим. В результате прилавки книжных магазинов завалены произведениями по «новой хронологии», цены на них колеблются в интервале от 500 до 1000 рублей, а тот факт, что переиздания и новые работы появляются непрерывно, свидетельствует о сохранении стабильного читательского спроса. Как *коммерческий проект* «новая хронология» доказала свою состоятельность.

Не надо быть специалистом по маркетингу и книжному делу, чтобы утверждать: ни одна работа современного российского ученого-историка не пользуется таким спросом, как книги Носовского—Фоменко. Более того, можно предполагать, хотя это и трудно проверить, что совокупный тираж новых научных монографий отечественных историков не сравнится с годовым тиражом книг упомянутых авторов (например, за один только 2010 год на полки магазинов попали, как минимум, 22 издания их произведений). Иными словами, сегодня два автора-энтузиаста, поддержанные коммерческими издательствами, по своему влиянию на читающую аудиторию успешно соперничают со всем историческим сообществом. А по сравнению с 1995 годом ситуация только ухудшилась: за Фоменко—Носовским в дело пересмотра истории включился, как мы уже говорили, целый ряд новых, и коммерчески тоже достаточно успешных авторов.

Означает ли это, что историческое сообщество неспособно ответить на этот вызов и отмалчивается, продолжая делать вид, что «собака лает, а караван идет»? Не совсем так.

А что же историки?

На первых порах, в 1995—1998 годах, работы Носовского—Фоменко профессиональные историки, как и раньше, по большей части продолжали игнорировать. В новых условиях о борьбе за расширение пространства свободы больше не было, конечно, и речи, но на первый план вышли другие проблемы. Время для исторической науки и ученых было, прямо скажем, нелегкое; после перехода «на рыночные рельсы» забот хватало и без ударившихся в историю математиков: надо было элементарно выживать, зарабатывая на жизнь преподаванием или реализацией грантов, надо было в спешном порядке затыкать бреши, созданные наличием запретных тем в советской исторической науке, надо было переписывать советские учебники истории и т. д. и т. п. Да и фактор пренебрежительного отношения к дилетантам в науке не стоит сбрасывать со счетов — многие считали и продолжают считать полемику с ними делом неблагодарным, недостойным настоящего ученого и даже вредным. А популярность Фоменко и Носовского сотоварищи тем временем росла и, наконец, не замечать ее стало просто невозможно.

22 апреля 1998 года состоялось заседание бюро Отделения истории РАН, на котором вновь обсуждался вопрос об исторических работах А. Т. Фоменко. Впрочем реакцией исторического сообщества на вызов эпохи это событие назвать трудно, так как инициатива проведения заседания исходила «сверху» — от Президента РАН Ю. С. Осипова. Это обстоятельство стоит подчеркнуть особо, поскольку оно прекрасно характеризует тогдашнее состояние сообщества историков. Вероятно, люди, далекие от исторической науки и запутавшиеся во внезапно размножившихся версиях прошлого, имели полное право ожидать, что именно академическая верхушка — наиболее известные и титулованные историки России — будут в наибольшей степени озабочены состоянием массового исторического знания в стране и воспользуются своим авторитетом, чтобы повлиять на общественное мнение, четко и недвусмысленно указать, где же в конце концов пролегает грань между наукой и лженаукой, а если ситуация с распространением псевдонаучных знаний уже вышла из-под контроля, — то

предложить какие-то меры по ее исправлению. Но этого не произошло. Для того чтобы Отделение истории РАН обратилось к проблеме, потребовалась инициатива извне.

Соответственно, ждать от заседания каких-то сенсационных решений и обращения к решительным действиям не приходилось. В оценке сущности «новой хронологии» как лженауки академики были единодушны вполне, и дискуссии вызвал только вопрос о том, стоит ли вступать с ее творцами в дискуссию. Если участвовавший в заседании доцент РГГУ И. Н. Данилевский настаивал: «Запретительные меры ни к чему не приведут. Надо спорить!», то академик Г. М. Бонгард-Левин призывал к осторожности: «Любой ажиотаж ни к чему не приведет. Критику его (А. Т. Фоменко. — *Н. Д.*) работ надо вести только в профессиональных изданиях. В СМИ этого делать не надо».

Немудрено, что позиция Бонгард-Левина показалась участникам дискуссии более взвешенной. В резюме заседания, переданном в Президиум РАН, констатировалось: «Попытки академика А. Т. Фоменко представить в извращенном виде картину русской и всемирной истории являются вредными и опасными, так как сеют смуту в умах людей, подрывая систему исторического знания и образования». Но никакого противоядия предложено, по сути, не было: «...вступать в прямую дискуссию с АТФ (А. Т. Фоменко. — *Н. Д.*) бессмысленно, т.к. она беспредметна. Кроме того, выступления против его хронологий воспринимаются порой как гонение на “передовую мысль”. Излишняя шумиха вокруг дает лишь дополнительную рекламу этим работам историков-дилетантов. Главная же задача историков в борьбе с подобным рода псевдонаукой — это создание новых учебных пособий для средней школы и вузов, издание книг по российской и всемирной истории, лишенных догматизма, надуманных схем и выполненных в хорошей литературной форме»¹⁵.

Позиция академиков была строго оборонительной. Они осознавали опасность, но при этом не видели никакой реальной возможности бороться с

---

¹⁵ Мифы и реальность в истории. Протокол № 4 от 22 апреля 1998 г. заседания Бюро Отделения истории РАН // <http://www.newchrono.net/fomenko/protocol.htm>.

ней. Складывается впечатление, что они чувствовали себя загнанными в угол. Популярность «новой хронологии» росла. Историческая наука находилась в состоянии кризиса. Уровень общественного доверия к работам советских историков, внезапно ставших российскими, находился в районе нулевой отметки, а иного после того, что десятилетиями писалось во славу советской власти, и ожидать было трудно (дело тут не в личных качествах отдельных историков, а в общей, «усредненной» оценке исторической науки большинством людей, к ней непричастных). Среди историков просто не было (как нет и сейчас) такого человека, чей голос, поднятый против работ Фоменко, был бы услышан обществом, кто мог бы противопоставить «новой хронологии» не аргументы, а свой научный, общественный и нравственный авторитет, чтобы ему просто поверили на слово. А раз так, то оставалось только спорить, используя научные аргументы, а это изначально представлялось делом малоблагодарным. «Научную базу» работ Фоменко—Носовского составляют апелляции к некоторым статистическим и астрономическим выкладкам, то есть к предметам для непосвященного читателя малопонятным. Устраивать подобную дискуссию на страницах популярных изданий было бессмысленно: не вникая в суть аргументации двух сторон, сторонний читатель знакомился бы с их основными выводами, и сам факт ведения равноправной дискуссии с видными учеными добавил бы группе Фоменко авторитета, а заодно и круг знакомых с его «учением» расширился бы.

Принятый академиком к употреблению рецепт создания «новых учебных пособий для средней школы и вузов», издания «книг по российской и всемирной истории, лишенных догматизма, надуманных схем и выполненных в хорошей литературной форме», сам по себе был, безусловно, правильным, но он переносил идеологическую борьбу с «новой хронологией» в отдаленное будущее, когда созданные новые замечательные учебники и книги начнут отвоевывать умы, захваченные соблазнительными «новохронологическими» идеями. При этом вопрос о том, как смогут повлиять школьные учебники на взрослые головы и как заставить почитателей Фоменко читать научные книги по древней истории, повисал в воздухе — на него никто и не пытался ответить.

Неудивительно, что осторожность академиков, предпочитавших неторопливую осмотрительную стратегию Фабия Максима, находила понимание далеко не у всех представителей исторического сообщества. С одной стороны, сам по себе вызов был силен, а с другой — прочтение текстов Фоменко—Носовского (в конце концов у немалого числа ученых возобладало мнение, что врага надо знать в лицо) говорило об их уязвимости для научной критики. Многим не терпелось самостоятельно померяться с ними силами, и с 1996-го число индивидуальных выступлений историков против «новой хронологии» постепенно нарастало. (Специально подчеркнем, что речь идет именно об историках — до этого момента не меньшую, а, возможно, и бóльшую роль в критике Фоменко играли представители естественных наук — Ю. Н. Ефремов, Ю. А. Завенягин, Е. Д. Павловская¹⁶.) Этот момент участниками заседания в Отделении истории РАН явно был упущен из виду: они могли отказаться от коллективного выступления, от организации массовой, организованной кампании против лженауки, но они не могли запретить отдельным историкам действовать в индивидуальном порядке.

Дискуссия все-таки выплеснулась на страницы массовых изданий¹⁷, и это было неизбежно, а в конечном счете, вероятно, и небесполезно. В конце концов, работы Фоменко—Носовского активно и широко рекламировались, о них спорили в транспорте и на работе, их рекомендовали почитать друзьям, и отсутствие критических отзывов ученых только вводило общество в заблуждение: раз никто не возражает, значит, правда. Хуже было другое: застрельщиками борьбы с «новой хронологии» выступили не академики, а

¹⁶ См., например: Голубцова Е. С., Завенягин Ю. А. Еще раз о новых методиках и хронологии Древнего мира // Вопросы истории. — 1983. — № 12; Ефремов Ю. Н., Павловская Е. Д. Датировка «Альмагеста» по собственным движениям звезд // Доклады АН СССР. — 1987. — Т. 294; Ефремов Ю. Н. «Альмагест» и новая хронология // Природа. — 1991. — № 7; Ефремов Ю. Н., Шевченко М. Ю. Что намолотили математические жернова. По поводу новой датировки звездного каталога «Альмагеста» // На рубежах познания Вселенной: Историко-астрономические исследования. — Т. 24. — М., 1994.

¹⁷ Драгунский Д. Был ли Мамай женой Батыя? // Итоги. — 14.05.1996; Ковальджи К. К вопросу о синтезе Цезарей. «Переворот в хронологии» подозрительно напоминает любовные утехи в чеховской баньке // Независимая газета. — 21.12.1996; Михайлов Н. Загадка Куликова поля // Литературная Россия. — 22.11.1996; Тучков В. Иисус Христос, он же Василий // Вечерний клуб. — 29.08.1996.

молодые, не титулованные историки, что запутывало ситуацию до крайности. С одной стороны, в полемическом задоре люди, не отягченные возрастом, регалиями и излишней солидностью, могли позволить себе быть язвительными, остроумными и не вполне деликатными, что не пристало маститому историку, но, с другой — у рядового читателя возникало законное недоумение: почему же самые известные специалисты в области истории молчат, когда кругом ниспровергаются основы основ? Им что, нечего возразить? Стратегия, взятая на вооружение академической верхушкой исторического сообщества России, в итоге оказалась совершенно провальной.

В 1998 году появился, наконец, первый «книжный» ответ Фоменко. Правда, это была не монография, а сборник статей опять-таки молодых историков¹⁸. Однако это не был чисто «антифоменковский» сборник. Три его соавтора взяли на себя непосильную, вероятно, задачу: в рамках одной книги показать ненаучность работ не только А. Т. Фоменко (эту задачу взял на себя Д. М. Володихин), но и М. Аджи (Д. Олейников) и Э. С. Радзинского (О. И. Елисеева). Критики, безусловно, заслуживали все трое, но «весовые категории» у них были явно разные, разными были их подходы к историческому материалу, и разной была исходившая от них угроза массовому историческому сознанию.

Собственно говоря, творчество Эдварда Радзинского, при всей его популярности и при всех его недостатках, серьезным вызовом историческому сообществу назвать трудно. Писатели, подвизающиеся на ниве истории, всегда были и всегда будут. Необходимо смириться с тем, что история интересна не только ученым, а возможность альтернативной интерпретации совокупности одних и тех же фактов (а она, как правило, имеется даже в рамках строго научного подхода), сочетающаяся с неполнотой наших знаний о прошлом, всегда привлекала и будет привлекать литературные таланты. Повлиять на восприятие в массовом сознании тех или иных событий или исторических фигур они, конечно, могут (так, например, знания о кардинале

---

¹⁸ Володихин Д. М. Елисеева О. И., Олейников Д. И. История России в мелкий горошек. Сборник. — М., 1998.

Ришелье у миллионов и миллионов людей ограничиваются информацией, почерпнутой из романов Александра Дюма), а вот существенно исказить историческое сознание всего общества — вряд ли. Предлагая те или иные трактовки прошлого (как правило, и без того существующие в литературе), авторы вроде Радзинского, в целом остаются в русле традиционных представлений об истории и не пытаются их перевернуть.

В этом плане труды Мурада Аджи заслуживают гораздо более серьезного отношения — они несут в себе сенсацию, абсолютно новое прочтение солидного куска истории тюркских народов, Европы и России, коренным образом отличающееся от общепринятого. И, что особенно важно, это новое прочтение самым приятным образом тешит самолюбие нынешних потомков тюрков, проживающих в России, поскольку они «узнают правду» о великой роли своих предков в российской, европейской и, подымай выше, мировой истории. Вот здесь науке брошен несомненный вызов, обладающий всем необходимым для успеха: он сенсационен, он использует элементы теории заговора (роль тюрков в европейской и российской истории, по мнению Аджи, принижалась сознательно), он имеет четко обозначенную целевую аудиторию, и он использует националистические настроения, сам питается ими и, в свою очередь, дополнительно обогащает почву для их дальнейшего произрастания. Игнорировать его невозможно, поскольку речь идет о формировании совершенно новой картины существенной части исторического прошлого.

Но вызов «новой хронологии» сильнее и опасней: эта концепция не просто создает новую хронологию и меняет картину прошлого, она целиком и полностью дискредитирует всю историческую науку, которая, согласно творениям Фоменко—Носовского, либо ошибается, либо сознательно вводит в заблуждение. А это уже чревато не искажением массового исторического сознания, а его разрушением, полной дезинтеграцией. Прошлого нет вообще — на его месте какие-то обломки разрозненных сведений, хаос и никакой надежды на его преодоление; все нити, ведущие в прошлое, оборваны, авторитеты низвергнуты, и для сотворения новой исторической картины, не менее ценной, чем все прочие, не требуется ничего, помимо собственной фантазии. Однако эта, главная опасность продвижения «новой хронологии» в

массы, равно как и разновеликость угроз со стороны Фоменко, Аджи и Радзинского, авторами книги «История России в мелкий горошек» не учитывалась.

Не обратили они внимания и на то обстоятельство, что не совпадают и едва ли пересекаются круги почитателей Фоменко, Аджи и Радзинского, а потому читательская аудитория, на которую ориентировался сборник, осталась неопределенной. Если авторы рассчитывали на внимание собратьев-историков, то напрасно пропадал полемический задор: специалисты и без того знали цену все трем объектам критики. Если же их целью была «контрпропаганда», то разнообразие мишеней явно снижало эффективность стрельбы. На фундаментальные тома трех творцов на уровне исторической словесности историки отвечали небольшой по объему (246 стр.) книжкой, где на долю каждого из критикуемых приходилось не так уж много страниц и убедительных аргументов. Спору нет, критические выпады были и остроумны, и убийственно точны, а вот эффекта, увы, не было. Да и вряд ли его можно было ожидать: одно дело, купить книгу, в которой весело и вольно излагается новая версия истории, и совсем другое — ее критический разбор. Это иной вид чтения, на него решается только человек, желающий глубже разобраться в предмете спора, а много ли таких среди любителей сенсаций? И здесь — один из главных камней преткновения, о которые нередко разбиваются усилия научного сообщества, направленные на борьбу с лженаукой в любой области, и не только в истории.

Первая организованная реакция исторического сообщества на вызов массового распространения ненаучных исторических концепций последовала только в конце 1999 года: 21 декабря 1999 года на историческом факультете МГУ прошла специальная конференция под названием «Мифы “Новой хронологии”», на которую, как и на первое заседание Отделения истории АН СССР в 1981 году, были приглашены специалисты разных отраслей знания — историки, археологи, филологи, математики, физики, астрономы¹⁹.

---

¹⁹ К этому времени необходимость ответа на вызов «новой хронологии» ощущалась настолько сильно, что пенсионер Н. А. Ульянов за свой счет издал книгу «Антинаучная сенсация: (О “гипотезах” А. Т. Фоменко и его сподвижников)» (М., 1999), в которой попытался общедоступным языком дать критический разбор фоменковского вторжения в

Отличие же ее состояло в том, что на конференции не было ни самого А. Т. Фоменко, ни его последователей. Создатели «новой хронологии» предпочли проигнорировать данное мероприятие, на которое их настоятельно приглашали, и это, по сути, выбило оружие из рук организаторов конференции. Да, прозвучали убедительные доклады критиков «новой хронологии», да, они были в последующем опубликованы в виде отдельной книги, но обложке которой помимо названия конференции присутствовало набранное крупным кеглем слово «АНТИФОМЕНКО», но победить в игре, на которую не явился противник, физически невозможно. Сколько мячей ни загоняй в пустые ворота, разочарованный болельщик все равно скажет: это нечестно. И Г. В. Носовский вместе А. Т. Фоменко этим умело воспользовались, обратившись по своему обыкновению к суду не специалистов, а широкой публики: «На этой конференции прозвучал ряд выступлений против новой хронологии. В основном выступали историки, но в конце заседания было дано слово и нескольким представителям точных наук, которые также выступили с резкой критикой наших работ по новой хронологии. Тон всех без исключения выступлений был резко критический, иногда далеко выходящий за рамки дозволенного в научных дискуссиях. Ни нам, ни кому-либо другому из тех, кто занимался разработкой новой хронологии, на этой конференции доклада предложено не было. Мы на этой конференции не присутствовали, однако имели возможность ознакомиться с полной ее видеозаписью, любезно предоставленной нам одним из ее слушателей. Внимательно просмотрев видеозапись, мы пришли к выводу, что отвечать на подобный поток эмоций и грубостей бессмысленно»²⁰.

А потом — как будто открыли какой-то сдерживавший клапан — последовала целая серия книг, специально посвященных критике работ Фоменко—Носовского²¹. Броско изданные сборники «Антифоменко» на

область хронологии средневековой Руси.

²⁰ Носовский Г. В., Фоменко А. Т. Разбор книг «Антифоменко» и «История и антиистория. Критика “новой хронологии” академика А. Т. Фоменко» // «Так оно и оказалось!» Критика «новой хронологии» А.Т.Фоменко (ответ по существу). — М., 2001.

²¹ История и антиистория. Критика «новой хронологии» академика А. Т. Фоменко. — М., 2000; «Антифоменко». Сборник русского исторического общества № 3 (151). — М., 2000; История и антиистория. Критика «новой хронологии» академика А. Т. Фоменко. Анализ

протяжении ряда лет радовали глаз посетителей книжных магазинов наряду с произведениями виновников их появления — Носовского и Фоменко, — пользуясь при этом значительно меньшим спросом. В бой наконец-то включилась и «тяжелая артиллерия» историков в лице академиков Л. В. Милова, В. С. Мясникова, С. О. Шмидта и В. Л. Янина, причем статьи Янина были размещены и в массовых изданиях²², а С. О. Шмидт посвятил феномену «новой хронологии» специальную монографию²³. Еще одну монографию в ответ на «открытия» Фоменко—Носовского написал Ю. К. Бегунов²⁴. Все эти издания взятые в совокупности и стали ответом исторического сообщества на вызов. Но эффективным назвать его нельзя.

Если бы речь шла о научной дискуссии, то, вероятно, такой мощный критический залп имел бы уничтожающий эффект, однако речь шла отнюдь не о научном споре. Мнение историков и других специалистов, занявшихся проверкой аргументации сторонников «новой хронологии», интересовало только их самих и тех людей, которые и без того осознавали научную ущербность данной «концепции». Дискуссии — ни публичной, ни в печати — как таковой не было и нет. В новой ситуации Фоменко с Носовским (а заодно и все остальные авторы псевдосенсаций) чувствуют себя «на коне» и могут позволить себе просто не реагировать на выпады в свой адрес, не вступать в полемику или же реагировать нарочито пренебрежительно: мол, как всегда, эти историки не смогли разобраться в

ответа А. Т. Фоменко. Изд. 2-е, доп. — М., 2001; Ложь «новых хронологий»: Как воюют с христианством А. Т. Фоменко и его единомышленники / Отв. ред. и сост. А. В. Лаушкин. — М., 2001; «Так оно и оказалось!» Критика «новой хронологии» А. Т. Фоменко (ответ по существу): Сборник статей, написанных учеными с исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова — М., 2001; Антифоменковская мозаика. — М., 2001; Антифоменковская мозаика-2. «Новая хронология» — это серьезно? — М., 2001; Антифоменковская мозаика-3. — М., 2002; Антифоменковская мозаика-4. Критика «новой хронологии» в Интернете. — М., 2003; Анти-история, вычисленная математиками: о новой хронологии Фоменко и Носовского / Сост. И. Н. Данилевский, С. О. Шмидт. — М., 2006.

²² Янин В. Зияющие высоты академика А. Т. Фоменко // Родина. — 2000. — № 4. — С. 12—15; его же. Был ли Новгород Ярославлем, а Батый — Иваном Калитой // Известия. — 11 июня 1998 года.

²³ Шмидт С. О. «Феномен Фоменко» в контексте изучения современного общественного исторического сознания. — М., 2005.

²⁴ Бегунов Ю. К. Русская история против «новой хронологии». — М., 2001.

нашей математической аргументации и занимаются демагогией... Дело дошло до того, что авторы антифоменковских выступлений вынуждены были воспроизводить в своем сборнике один из таких «ответов» Фоменко с Носовским²⁵, чтобы дать читателю представление о научности и убедительности их аргументации. Но опять-таки все это было интересно только для аудитории, заинтересованной в поиске истины, — на многочисленных поклонников «новой хронологии» «антифоменковские» сборники не повлияли, да и повлиять не могли.

Несколько более убедительной и адекватной вызову времени оказалась дискуссия, развернувшаяся в Интернете (часть ее материалов послужила основой для сборника «Антифоменковская мозаика-4»). И по сей день в Рунете работают такие сайты, как «Фоменкология» (<http://hbar.phys.msu.ru/gorm/fomenko/index.htm>), «Проект Антифоменко» (http://www.arhimed007.narod.ru/project_antifomenko.htm) и «Антифоменкизм» (<http://fatus.chat.ru/foma.htm>), которые, однако, давно не обновляются и выглядят достаточно бледно и очень скромно в сравнении с профессионально выполненными (и, естественно, дорогостоящими) сайтами группы «Новая хронология». Но дискуссию, тем не менее, они вести позволяют, а в условиях специфической Интернет-аудитории, привыкшей легко вступать в споры и не уходить от ответов, она представляется даже более полезной и убедительной, чем дискуссия книжная. Здесь возникают трудности другого рода, связанные с узостью этой аудитории (правда, постоянно и быстро растущей), недостаточным развитием доступа к Интернету в России и с отсутствием у людей, интересующихся вопросами гуманитарного знания, привычки и навыков использования Всемирной сети в научных целях. Ученые-гуманитарии в Интернете — люди редкие, хорошее владение компьютером, особенно для старшего поколения историков, остается серьезной проблемой, и, к сожалению, в целом Интернет-политику занести в актив исторического сообщества никак нельзя: «антифоменковские» сайты являются плодом творчества любителей-

---

²⁵ См. «Так оно и оказалось!» Критика «новой хронологии» А. Т. Фоменко (ответ по существу).

одинок, а лучший из них — «Фоменкология» поддерживается усилиями ученого-физика М. Л. Городецкого. Использование информационных технологий в российской исторической науке пока остается скорее исключением, нежели правилом.

Ситуация, сложившаяся вокруг «новой хронологии» и других подобных «концепций», свидетельствует о низкой мобильности исторического сообщества, о присущей ему определенной косности, которая как будто бы отражает специфику его деятельности — обращенность не в будущее, а в прошлое. Все ответы на острейшие вызовы эпохи даются исключительно в традиционном ключе: заседания, статьи, монографии, конференции... В лучшем случае за нормы рутинной научной дискуссии выходит полемическая заостренность отдельных критических выступлений, но и они, как правило, обращены к читателю самостоятельно мыслящему и настроенному едва ли не с лупой в руках разбираться в аргументах спорящих сторон. А новые труды Носовского—Фоменко, Аджи, Бушкова и иже с ними между тем продолжают пополнять книжные полки и находить все новых и новых читателей...

Нежелание творцов исторических сенсаций аргументировано отвечать на критику в свой адрес давно уже поставило их вне науки, сделало очевидным наличие у них целей, не имеющих с наукой ничего общего. И неважно, стремятся ли они к коммерческому успеху, преследуют ли политические цели или держат в голове что-то еще: они работают вне рамок научного поля. И это, кстати сказать, единственный критерий, позволяющий отличить спорную, пусть даже ошибочную, но научную концепцию от псевдонаучных творений. Ученый, если только он действительно ученый, заинтересован в выяснении подлинной научной ценности своей теории, а потому не может не реагировать на аргументированную критику и, тем более, не замечать указания на фактические ошибки и неточности. Грань между заблуждением (а также гениальным прозрением, величие которого будет осознано только потомками) и лженаукой тонка, и проводить ее, опираясь исключительно на традиционные экспертные оценки коллег по научному цеху, бывает трудно: в конце концов, в истории науки не раз случалось так, что был прав один, тогда как многие ошибались. Право плыть

против течения — неотъемлемое право настоящего ученого, но оно никак не связано со свободой от научной этики и, в том числе, от этики ведения научных дискуссий. Отношение того или иного человека к соблюдению общепринятых норм поведения в этой сфере достаточно легко и объективно фиксируется, их нарушение никакой новизной исследований объяснить невозможно, и потому выход из научного поля вполне можно рассматривать как личный выбор данного конкретного «творца», достаточно объективно характеризующий отношение его «творения» к науке.

Но если всем своим поведением некий создатель псевдоисторических произведений уже зафиксировал тот факт, что его произведения к науке отношения не имеют, то что в этой ситуации делать историческому сообществу? Отсутствие цензуры, свобода слова и толерантность, казалось бы, подсказывают историку простейший путь — продолжать заниматься своим делом и не обращать внимания на происходящее вне его научных интересов. Или, в крайнем случае, выступить с аргументированным заявлением о том, что такая-то и такая-то концепция научной не является. Строго говоря, именно этот путь и был избран научным сообществом России, когда творения Фоменко—Носовского пошли в массы. Отдельные ориентированные на массового читателя журнальные статьи «антифоменковского» толка в данном случае являют собой как раз то исключение, которое подтверждает правило. Что же касается остальной литературы псевдоисторического жанра, то она сколько-нибудь организованной реакции исторического сообщества не удостоилась вовсе.

Вероятно, для научного сообщества подобное отношение к происходящему наиболее комфортно. Другое дело, что оно объективно порождает новый, повисающий в воздухе вопрос о роли исторической науки в обществе. Занимаются ли историки элементарным удовлетворением собственного любопытства, или же они все-таки каким-то образом отвечают за состояние массового исторического знания и тем самым приносят обществу определенную пользу? Вероятно, людей, целиком и полностью отрицающих социальную ответственность исторической науки, найдется в ее рядах не так уж много, а отсюда с неизбежностью следует вывод о невозможности ее пребывания в башне из слоновой кости.

«Новая хронология» при всей абстрактности своей аргументации, при всем своем демонстративном пренебрежении плотью и кровью исторического бытия, отторгаемого во имя непостижимой для профанов высоты статистических и математических выкладок, далеко не так оторвана от будничной жизни, как это может показаться стороннему наблюдателю. А. Т. Фоменко, а точнее, его идее о том, что Россия может потягаться древностью с «вечным» Римом, удавалось в свое время находить сочувствие в высоких кабинетах на Старой площади, и нет никаких гарантий, что удача не улыбнется ему снова. За минувшие с той поры четверть века политический смысл, сокрытый в концепции «новой хронологии», нисколько не утратил своей потенциальной привлекательности для ревнителй псевдопатриотизма. Скорее, наоборот, в эпоху появления и расцвета другой замечательной концепции — «суверенной демократии» — представление о фальсификации древней европейской истории выглядит на удивление злободневным. Ведь коль скоро пресловутые европейские демократии сочинили свое славное прошлое, а на самом деле испокон веку находились в вассальной зависимости от Руси, то они, естественно, нам не указ и не имеют ни малейшего права учить нас каким-то там надуманным демократическим стандартам.

До сей поры ничего подобного на государственном уровне озвучено, к счастью не было, но соблазн силен, и мысли на эту тему в некоторых головах гуляют. Свидетельством тому — недавняя (29 октября 2010 года) появление интервью с академиком А. Т. Фоменко на «Едином российском портале», зарегистрированном партией «Единая Россия». «До вчерашнего дня, — повествует автор интервью Феликс Лапин, — я был противником Анатолия Фоменко и его “Новой хронологии”. А, поговорив с академиком, посмотрел на его деятельность по-новому. Не скажу, будто я поверил в короткий возраст человеческой цивилизации или в то, что древние Египет и Рим, на самом деле были одной и той же империей. Сформированную с детства картину мира так просто не изменишь. Другой вопрос — ради чего нам держаться за традиционную версию истории? Какая нам от неё выгода? Может ли “Новая хронология” принести существенную пользу, ускорить

развитие России и после долгого перерыва вернуть её в “большую игру”?»²⁶.

Понятно, что Фоменко интервьюера не разочаровал, значение «новой хронологии» объяснил и светлые перспективы нарисовал. А взамен недвусмысленно попросил помощи: «Мы учёные, воздерживаемся от политических рассуждений. Дело не в боязни. Я отношусь к политике с большим уважением, это глубокая и нетривиальная область знаний. Но в каждой науке должны сидеть профессионалы. В хронологии мы профессионалы, потому что это область прикладной математики. В политике свои профессионалы, их долго этому учили. Поэтому было бы странно, если бы математик высказывался о политике. Конечно, мы были бы рады распространению Единой хронологии в единой России. Сами мы делаем то, что можем, распространяем книги и статьи. Для остального: пропаганды, внедрения идей в политическую жизнь, в школы, в университеты, у нас, к сожалению, нет ни возможностей, ни способностей. Каждый должен делать своё»²⁷. Рука протянута, а что дальше — Бог весть...

Нет, отсидеться в высокой белой башне в смутные времена никому еще не удавалось. Поскольку есть авторы и книги, оказывающие разрушительное воздействие на массовое историческое знание, прямой долг исторического сообщества так или иначе, но компенсировать его, выдвигая из своей среды авторов, способных создавать книги, пользующиеся спросом на рынке. И неважно, что эти книги будут не совсем научными по стилю, характеру изложения и аргументации, — главное, чтобы они были эффективными. Научное сообщество обязано вернуть себе авторитет в обществе, а для этого, как показала практика, нужны новые средства. Жизнь в информационном обществе предъявляет к науке свои требования, и строго следовать традициям прошлого и позапрошлого веков больше невозможно. Историческое знание, накопленное в тиши ученых кабинетов, должно становиться достоянием масс, должно быть востребованным и популярным. В противном случае общество неизбежно будет воспринимать историческую

---

²⁶ «Расписные истины Анатолия Фоменко». Эксклюзивное интервью автора «Новой хронологии» ER-portal.ru — «Единый Российский портал» (<http://er-portal.ru/about/text.shtml?16/5379,111128>)

²⁷ Там же.

науку как интересную, но бесполезную игру ума, и в конце концов, не ровен час, — сочтет возможным отказаться от ее услуг. Страшны не фоменки и мулдашевы — страшен исторический нигилизм, который они порождают. А это вызов, на который надо отвечать.